

А.К. Мамедов, докт. социол. наук, проф., зав. кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: НОВАЯ ОНТОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

В настоящей статье формулируется идея, согласно которой в информационном обществе, которое основано на таком производственном ресурсе, как знание и информация, происходит латентное расширение социального неравенства. Последнее обусловлено доступностью информации, а также наличием таких ее атрибутивных качеств, как неистощаемость, бесконечность, непотребляемость, которые системно связаны с иными свойствами (например, с избирательностью, селективностью). В результате в информационном обществе принадлежность к высшему классу впервые начинает определяться с точки зрения новых критериев — интеллекта, креативности и яркости личностного начала.

Ключевые слова: информационное общество, информационное неравенство, знание, информация, интеллект, образование, креативность.

In this article we formulated the idea that in the information society that is based on the productive resources such as knowledge and information, there is a latent extension of social inequality. This is caused by the availability of information and the availability of its attributive qualities as inexhaustible, infinite, "nepotreblyaemost'" that systematically associated with different properties (selectivity, selectivity). On this basis, in the information society belonging to the upper class for the first time begins to be determined in terms of the new criteria — intelligence, creativity and brilliance of the personal principle.

Key words: information society, information inequality, knowledge, information, intelligence, education, creativity.

На рубеже веков (конца XX — начала XXI в.) практически каждая из сторон социальной действительности ощутила на себе неотвратимое системное воздействие произошедшей информационной революции, ставшей к тому времени онтологической реальностью. Подобная революция была связана в первую очередь со все более возрастающим значением информационно-коммуникационных технологий и инноваций, которые стремительными темпами стали распространяться во всем мире, охватывая, по сути, все сферы жизнедеятельности людей. Американский социолог М. Кастельс, в частности, отмечает, что в мире наблюдается "трансформация нашей материальной культуры через работу новой технологиче-

* Мамедов Агамали Куламович, e-mail: akmnauka@yandex.ru, akmnauka.professor-journal.ru

ской парадигмы, построенной вокруг информационных технологий”¹. Происходит сциентизация быта, технологии подобного рода начинают широко использоваться на всех уровнях социальной организации, находят обширное применение в производстве и в рамках тех или иных институциональных систем (например, в системе образования, культуры, досуга). Само мультипликарное расширение доступа к информации становится стимулирующим фактором изменения качественного уровня жизни, а также формирования нового типа общественного сознания — “информационного”. Как отмечал У. Мартин, “качество жизни, так же как перспективы социальных изменений и экономического развития, в возрастающей степени зависят от информации и ее использования. В таком обществе стандарты жизни, формы труда и отдыха, система образования и рынок находятся под значительным влиянием достижений в сфере информации и знания”². Таким образом, информация начинает восприниматься как необходимый и главный ресурс дальнейшего развития общества, как детерминирующий фактор современного общественного прогресса.

Однако есть и другая сторона данного процесса, на фоне которого в рамках динамики общества информационного типа информация и знание в целом приобретают черты одного из главных ресурсов и источников социального богатства. Значимым (и весьма “романтичным”) тезисом, сформулированным теоретиками информационного общества, становится тезис о преодолении существующего классового неравенства на основании равного доступа к информации, которая должна быть свободной, открытой и доступной всем. Действительно, подобно тому как некогда был преодолен сословный принцип формирования общества, построенный преимущественно на родственных связях, в информационном обществе преодолевается существующая до сих пор классовая структура, имеющая в своем основании экономический принцип разделения. На социальной арене появляется и выходит на первый план новый класс интеллектуалов, структура которого определяется резким увеличением количества людей, имеющих престижное высшее образование. В современную эпоху образование в основном перестает исполнять функцию социального лифта, заменяя ее “стигматизацией”, “маркировкой” социального престижа³. Отме-

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000. С. 71.

² Martin W.J. The information society. L., 1988. P. 40.

³ См.: Мамедов А.К., Лунай Т.П. Стигматизация как социальный феномен (методология исследования) // Актуальные инновационные исследования: наука и практика: Электронный научный журнал. 2011. № 1. С. 23. URL: <http://www.actualresearch.ru>

чается, например, что в США доля представителей традиционного капиталистического класса среди высших менеджеров крупных компаний по сравнению с 1900 г. существенно сократилась к началу стремительного развития информационных технологий: если в 1900-х гг. она составляла порядка 50%, то во второй половине 1970-х гг. данная доля уже не превышала и 5%⁴. Д. Белл указывал на то, что «если в течение последних ста лет главными фигурами были предприниматель, бизнесмен, руководитель промышленного предприятия, то сегодня “новыми людьми” являются ученые, математики, экономисты и представители новой интеллектуальной технологии»⁵.

Казалось бы, на фоне равного доступа к информации и знанию можно говорить о процессе полной демократизации общества в понимании ее ранних идеологов. Однако с появлением упомянутого выше класса интеллектуалов с его характерными свойствами информация начинает восприниматься как основа и критерий процесса образования новых социальных страт. Главным принципом формирования подобных страт становится владение информацией и подключенность к “знаниевому ресурсу”. Таким образом, мы становимся свидетелями формирования кардинально нового критерия классового деления, который выражается в первую очередь в доступе к качественному образованию. С одной стороны, справедливым является тезис, согласно которому мы говорим о процессе демократизации современного общества, поскольку сама информация в силу неограниченного доступа к ней является наиболее демократичным и доступным фактором производства и источника власти. С другой стороны, информация является и наименее демократичной в связи с тем, что доступ к ней отнюдь не означает автоматического владения ею. Происходит качественная метаморфоза в процессе собственнических отношений.

Информацию (в отличие от иных системных ресурсов) характеризуют такие качества, как неистощимость, бесконечность, непотребляемость, но в то же время и избирательность. Основными решающими факторами, влияющими на возможность приобщения к этому ресурсу, являются в первую очередь интеллект, креативность, яркость личностного начала. Исходя из этого информационное общество уникально в том смысле, что в нем впервые в истории основным критерием принадлежности к высшему классу является не доступ к тем или иным материальным благам (в силу просто об-

⁴ См.: *Иноземцев В.Л.* “Класс интеллектуалов” в постиндустриальном обществе. М., 2010а. С. 19.

⁵ *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999. С. 32.

ладания ими), а умение их правильно использовать, приспособлять и утилизировать.

Однако как же могут сочетаться два столь противоположных принципа, при которых информация одновременно является и самым демократичным критерием классового деления, и критерием, который предстает как наиболее жесткий ограничитель? Ответ не очевиден, но естественен. Ведь только лишь доступ к информации, взятый сам по себе в отрыве от других факторов, вовсе не означает обладания ею. Сегодня в развитых странах, как правило, уровень образования определяет социальный статус человека и соответственно классовые различия в обществе. Диплом престижного учебного заведения устраняет препятствия в продвижении по службе и, напротив, отсутствие фундаментального образования, зафиксированного дипломом элитарного вуза, приводит к формированию класса тех, кто стоит лишь у основания социальной лестницы. Неравный доступ к образованию становится, таким образом, основой новой формы социального неравенства.

Согласно П. Друкеру, в результате информационной революции даже в промышленном производстве основным становится класс работников не физического, а интеллектуального труда. Параллельно с П. Друкером Ф. Махлуп в 1962 г. ввел в научный оборот термин “работник интеллектуального труда” (knowledge worker)⁶, тем самым институционализировал его. Ф. Махлуп так определял его содержательные характеристики: работник интеллектуального труда — это человек, который ориентируется на оперирование информацией и знаниями; стремится к той деятельности, которая открывает широкие возможности для самовыражения и самореализации в обществе, как правило, вопреки получению сиюминутной выгоды; наконец, это человек, который обладает высокой мобильностью и является независимым от собственности на средства производства. Ф. Махлуп также фиксирует конец эпохи Меттерниха, когда территория, количество населения, армия являлись определяющими факторами. Детерминантами “новой волны”⁷ становятся концентрация образованного населения, его здоровье, открытость и креативность.

На основе этого преимущественное развитие получают те производственные отрасли, в которых работа напрямую связана с использованием знаний (так называемые “knowledge industries”)⁸. Например, сегодня в США до 60% валового национального продукта производится технологически развитой сферой промышлен-

⁶ *Drucker P.F.* The new realities: in government and politics, in economics and business // Society and World View. Boston; Oxford, 1989. P. 42.

⁷ *Drucker P.F.* Landmarks of tomorrow. N.Y., 1996. P. 3.

⁸ *Drucker P.F.* Post-capitalist society. N.Y., 1995. P. 24.

ности. Изменяется и сама форма интеллектуального труда: он не требует теперь постоянного присутствия человека на своем рабочем месте, основной же становится работа по телекоммуникационным сетям, возникают различные варианты фрилансерства. В США количество рабочих мест, предусматривающих виртуальное присутствие работника, резко увеличилось всего за одно десятилетие — с 3 млн человек в 1990 г. до 10 млн в 1995 г. и до 25 млн в 2000 г.⁹ Закономерно, что в результате подобного технологического (социального тоже) процесса закрывается значительное количество традиционных рабочих мест на производстве и создается гораздо больше потенциалов для представителей среднего класса, которые по своему социальному положению все чаще напоминают рабочую интеллигенцию. Это объективный процесс, но он формирует новые социальные конструкты и, следовательно, создает новые формы “отчуждения”, а потому этот процесс чреват и классовым противостоянием в обществе.

Изменение классовой структуры, выделение принципиально новой социальной страты, определяющей существование новой формы так называемой “техноструктуры” общества, с необходимостью повлекли за собой целый ряд значимых социальных последствий. Как уже отмечалось выше, наиболее серьезными из них стали формирование и институционализация новых форм классового неравенства. Так, по мнению А. Турена, помимо достижения интеллектуального господства класс технократов в силу своего статуса подавляет остальные классы и социально. При этом образовавшийся низший класс — так называемый “underclass” — оказывается в ситуации социальной агнозии и апатии и становится неспособным даже выступать как самостоятельный субъект социального процесса¹⁰. Р. Дарендорф одним из первых стал определять в качестве “правлящего класса посткапиталистического общества” топ-менеджеров компаний и государственных управленцев административного персонала¹¹. Эта новая социальная страта технократов включает в себя тех, кто создает специальные знания, применяет “талант и опыт в процессе группового принятия решений”¹².

Эти процессы уже коснулись рабочих, в среде которых произошло существенное расслоение на тех, кто смог в достаточной мере приспособиться к новым условиям и овладеть новыми технологи-

⁹ См.: *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 42.

¹⁰ *Touraine A.* The post-industrial society. Tomorrow's social history: classes, conflicts and culture in the programmed society. N.Y., 1974. P. 70.

¹¹ *Dahrendorf R.* The modern social conflict. An essay on the principles of liberty. Berkeley; L., 1988. P. 160.

¹² *Galbraith K.* The new industrial state. L., 1991. P. 86.

ями (они вступили в транзитивный процесс перехода в разряд работников умственного труда), и тех, кто продолжает продавать не знания и способность ими владеть, а только свою рабочую силу в ее преимущественно физическом виде. Последних «их более удачливые коллеги считают “неудачниками”, “отсталыми”, “ущербными”, “гражданами второго сорта” и вообще “нижестоящими”»¹³. Эти процессы были зафиксированы, в частности, А. Горцем, который выделил социальную группу “некласа нерабочих”, или “нео-пролетариата”, вобравшую в себя всех тех, чьи интеллектуальные и творческие способности были фактически обесценены современными технологиями. “Работники этих профессий почти не охвачены профсоюзами, лишены определенной классовой принадлежности и находятся под постоянной угрозой потерять работу”¹⁴. Это породило такую ситуацию, описывая которую К. Реннер в конце 1970-х гг. отметил, что рабочий класс, представленный в “Капитале” К. Маркса, “более не существует”¹⁵. Поскольку статус элиты перестал определяться в рамках устоявшегося иерархического положения в обществе, уступив свое место обладанию научной компетентностью, постольку и границы нового класса становятся гибкими, подвижными, адекватными социальной динамике.

Однако здесь возникает ряд системных противоречий. Основное из них связано с необходимостью актуализации и понимания того, что определяет основу принадлежности к тому или иному социальному классу. По мнению В.Л. Иноземцева, ссылающегося на классическую работу М. Вебера, основным признаком класса является “хозяйственный интерес его представителей, а не наличие собственности на средства производства или ее отсутствие”¹⁶. Как отмечает исследователь, такой подход становится единственно возможным в условиях “информационной” экономики, в которой, как никогда прежде, становятся актуальными вопросы определения прав собственности. И если, как утверждали теоретики марксизма, приход к власти рабочего класса (пролетариата) в силу особенностей социогенеза раз и навсегда уничтожает все классовые различия, то процесс формирования в информационном обществе “класса интеллектуалов” поневоле приводит к беспрецедентному расколу общества на разнородные группы. Подобный процесс со-

¹³ *Drucker P.F.* The new realities: in government and politics, in economics and business. P. 184.

¹⁴ *Goldman M.* Lost opportunity. What has made economic reform in Russia so difficult. N.Y.; L., 1996. P. 32.

¹⁵ *Renner K.* The service class // *Austro-Marxism* / Ed. by T.V. Bottomore, P. Goode. Oxford, 1978. P. 254.

¹⁶ *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2010б. С. 11.

проводится активным формированием класса технократов, который не зависит от традиционного класса буржуа. Все это позволяет сделать вывод о том, что в современном обществе появляются пост-модернистские виды капитала — человеческий, интеллектуальный, структурный, — которые, как правило, не имеют воплощенной в материальные носители формы, но персонифицированы в их конкретных носителях (в умах креативного сословия). Настоящий подход, на наш взгляд, позволяет рассматривать собственность в условиях становления и дальнейшей динамики информационного общества как своеобразную “внутреннюю собственность” (intra-ownership или intra-property) или “не собственность” (non-ownership). Утверждается, что собственность в ее классической форме в принципе утрачивает какое-либо значение перед лицом знаний и информации, права владения которыми могут быть лишь ограниченными и условными¹⁷.

При этом в силу указанных выше причин существенным образом возрастает роль личной собственности в противовес остальным формам, что отчуждает класс интеллектуалов от остальных классов. С ростом роли личной собственности власть переходит от капиталистического класса к технократам. Как отмечает П. Друкер, “класс интеллектуалов, а не капиталисты обладают (основными) властью и влиянием” в современном обществе¹⁸. Следовательно, эксплуатации других классов (в той форме, в какой она досталась современному обществу от модерна) более не существует, происходит слияние капитала и работника в противоположность тому, что утверждает классическая классовая теория общества. Эксплуатация приобретает иную онтологию неравенства.

Какими же характеристиками обладает вновь возникший класс технократов? Прежде всего, на наш взгляд, технократический класс отличается от всех остальных его высокая востребованность самыми разнообразными структурными подразделениями социальной иерархии и исключительная мобильность. Это приводит к возникновению принципиально иных методов управления ими, кардинально отличающихся от тех, что доминировали в индустриальном обществе. При этом социальные отношения становятся скорее сферой исключительно личных устремлений, чем объектом управления со стороны господствующих бюрократических структур. Управление инновационными работниками, которые являются “собственниками знаний”, теперь подобно управлению добровольными автономными организациями, а выход работников за пределы компании

¹⁷ См.: Мухнева С.Г. Интеллектуализация экономики: инновационное производство и человеческий капитал // Инновации. 2003. № 1. С. 20.

¹⁸ Drucker P.F. Landmarks of tomorrow. P. 99.

должен рассматриваться как естественное (никем не оспариваемое) проявление роста их личностного потенциала и капитала. Творческий же потенциал человека превращается, по сути, в безграничный ресурс, позволяющий решать практически все встающие перед обществом задачи, мыслить стратегически, совмещая ценности, мировоззрения и цели, что становится более важным, чем увязывание мелких деталей конкретных коммерческих операций. В связи с этим в современной корпорации, как показал П. Друкер в своей работе “Посткапиталистическое общество”, ни одна из сторон (ни работники, ни предприниматели) не является ни “зависимой”, ни “независимой” — все они предстают как “взаимозависимые”¹⁹. Люди новой формации зачастую работают не в силу нужды, отсутствия средств производства, а потому что работа предполагает личный творческий интерес.

Здесь можно высказать традиционное предположение, что информация и знание всегда были прерогативой управляющих классов и, таким образом, выступали как источник социального неравенства. Еще Ф. Бэкон воспринимал саму категорию знания как категорию одноуровневую с категорией власти (философский концепт “знание — сила”). В рамках постструктуралистского направления мысли М. Фуко дедуцировал из этой идеи вывод, согласно которому борьба за знание характеризуется латентной борьбой за обладание властью в ее политическом смысле, а в обратном направлении и наука в целом как главный агрегат всего человеческого знания начинает использоваться в рамках принятия политических решений того или иного уровня²⁰. Все это указывает на имманентную природу дифференцирующей функции любого знания.

В традиционном (доиндустриальном) обществе, а также в гораздо более демократическом индустриальном в силу особенностей социальной структуры монополия на знание всегда принадлежала правящей элите, т.е. вершине социальной пирамиды. Социальный диапазон монопольного ресурса этих обществ мог быть весьма различным (от архаичных сакральных учений, традиций, обычаев до феода, военной силы или производственного капитала), но персонафикация этого ресурса по статусному положению всегда порождала элиту. Несмотря на существенные различия в типологии элит, последние имели общий системный признак — стремление к присвоению материальных, и в первую очередь символических, благ, которые непосредственно связаны с особого рода информацией

¹⁹ *Drucker P.F.* Post-capitalist society. P. 66.

²⁰ См.: *Михнева С.Г.* Интеллектуализация экономики: инновационное производство и человеческий капитал // *Инновации*. 2003. № 1. С. 103.

(знанием). Соответственно если в аграрном и индустриальном обществах основной социальный конфликт разворачивался вокруг средств производства и ресурсов, а основными участниками подобного социального конфликта выступали большие социальные группы, владеющие ими и отчужденные от них, то в информационном обществе социальное противостояние выходит на принципиально новый уровень. Социальное противостояние в информационном обществе, а следовательно, и социальный конфликт возникают между людьми, которые обладают определенными личностно-социальными характеристиками и уникальными навыками, и людьми, которые в силу ряда причин (происхождение, статус, роль, личностные черты) не имеют таковых. По сути, речь идет о таком уровне социального конфликта, который возникает как причина и следствие неравного распределения самих существенных человеческих возможностей. Современная ситуация классового противостояния приобретает такую остроту, какой не знало ни аграрное, ни индустриальное общество. Страты в современном обществе состоят из “допущенных” и “не допущенных” не столько к распоряжению социальными благами, сколько к процессу их создания²¹.

В современной социологической литературе об этом явлении уже говорили теоретики постиндустриального общества, постулируя новые символически конфликтующие сообщества, например сообщества “второй” (индустриалисты) и “третьей” (постиндустриалисты) волны у О. Тоффлера, в противостоянии которых он видел главный политический конфликт современности, раскалывающий общество на две большие группы людей — тех, кто является сторонниками индустриального прошлого, и тех, кто видит невозможность решения современных глобальных проблем в рамках старого индустриального строя²². Р. Инглхарт выделял сообщества “материалистов” и “постматериалистов”, противостояние которых основывалось на различиях базового индивидуального опыта, что был приобретен в ходе значимых исторических трансформаций современного мира²³. Следует также упомянуть сообщества индустриального и постиндустриального общества (Д. Белл), а также модернистского и постмодернистского этапов социального развития (С. Лэш, С. Крук). Возможно, несколько более точно процесс подобного противостояния фиксировали Дж.К. Гэлбрейт и П. Друкер, говоря о сообществах капиталистического и посткапиталистического общества как о “knowledge — workers” (know-

²¹ См.: *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек. М., 2002. С. 18.

²² *Toffler A., Toffler H.* Creating a new civilization. Atlanta, 1995. P. 25.

²³ См.: *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 29.

ledge, англ. — “познания, знания”; workers, англ. — “рабочие, работники”. — *Прим. ред.*) и “consumption — workers” (consumption, англ. — “потребление, расходование”. — *Прим. ред.*) или о “knowledge workers” и “non-knowledge people” (people, англ. — “народ, люди”. — *Прим. ред.*): само их обозначение однозначно указывает на возникающий между этими социальными группами конфликт²⁴.

Данный конфликт не характеризуется историческим “обнищанием” рабочего класса и готовностью рабочих к борьбе за социальное равенство. Весьма существенным становится сравнение реальных доходов интеллектуалов (представителей технократического класса) и работников физического труда. Например, в США с 1978 по 1987 г. доходы рабочих со средним уровнем образования упали на 4%, в то время как доходы выпускников колледжей повысились на 48%. В последующие десятилетия тенденция имущественного расслоения на основе образовательного уровня сохранилась, а средняя почасовая зарплата обладателя диплома бакалавра за период 1987–1993 г. составила 15,71 американского доллара.

В то же время ощутимо ухудшилось положение представителей традиционного среднего класса, который долгое время является гарантом социальной стабильности. В.Л. Иноземцев, ссылаясь на П. Кругмана, констатирует, что “средний американский рабочий не получал реальной прибавки к заработной плате со времени вступления в должность президента Р. Никсона”²⁵. С 1973 по 1993 г. зарплата рабочих, не имеющих высшего образования, упала почти на 20% (и это несмотря на повышение производительности их труда не менее чем на 25%). Резкое падение заработной платы привело к тому, что доход многих работников, занятых полный рабочий день, не позволял им подняться выше черты бедности. Эта социальная прослойка в середине 1980-х гг. получила название “работающей бедноты” (“working poor”). Причем их доля к 1990-м гг. составляла уже 18% всего работающего населения США, из которых более 15% официально находились за чертой бедности и существовали за счет государственных субсидий.

Среди тех, кто на рубеже XX–XXI столетий находился за чертой бедности, оказались люди: а) с дипломом колледжа — афроамериканцы (около 4%), белые американцы (около 2%) и б) не имеющие законченного среднего образования, соответственно 51 и 31%. Современные исследователи, исходя из вышеприведенных фактов, объясняют существующие в настоящее время в экономически раз-

²⁴ См.: *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. С. 29.

²⁵ *Krugman P.* The age of diminishing expectations. US economic policy in the 90s. Cambridge, 1998. P. 84.

витых странах классовые различия в основном разницей полученного образования.

Становится очевидным тот факт, что уникальные навыки и образование являются ключом к приобщению к творческим или же креативным профессиям (ученые и деятели культуры, высококвалифицированные специалисты в области менеджмента и финансов, юристы, профессиональные эксперты и т.д.), а следовательно, к вхождению в высший класс общества.

Усиление влияния новой элиты на социальную жизнь проявляется в том, что за одно только десятилетие (1979–1989 гг.) совокупный доход тех, кто составляет наиболее высокооплачиваемую группу профессиональных работников, увеличился более чем в два раза.

Подводя итог вышесказанному, укажем, что информационное общество, которое является неизбежным результатом произошедшей в недавнем прошлом технологической революции, системно трансформирует всю социальную действительность. Следствием подобного социогенеза является формирование такого типа общества, в основании которого не лежит всеобщее материальное и социальное равенство, вопреки расхожему представлению адептов, которые описывали в подобных романтических категориях грядущие исторические и общественные тренды. Как выяснилось, информационное общество само создает новые социальные “тупики”, социальные предпосылки для еще большего расслоения общества, только теперь уже на основе знания и информации, подменяя (снимая) тем самым исторически отжившие формы классового расслоения, господствовавшие в прошлом, на новые, но не менее драматичные. Действительно, как декларировалось, доступ к информации и знанию, быть может, и открыт практически в равной мере для всех людей, но дискретность нового информационного поля вовсе не предполагает свободного и демократического овладения данным ресурсом, поистине доминирующим в современной “мерцающей” информационной реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999 (*Bell D.* Grjadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovanija. M., 1999).

Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4 (*Inglhart R.* Postmodern: menjajushchiesja cennosti i izmenjajushchiesja obshchestva // Poliss. 1997. N 4).

Иноземцев В.Л. “Класс интеллектуалов” в постиндустриальном обществе. М., 2010а (*Inozemcev V.L.* “Klass intellektualov” v postindustrial'nom obshchestve. M., 2010a).

Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2010б (*Inozemcev V.L.* Sovremennoe post-industrial'noe obshchestvo: priroda, protivorechija, perspektivy. M., 2010b).

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000 (*Kastel's M.* Informacionnaja yepoha: yekonomika, obshchestvo, kul'tura. M., 2000).

Мамедов А.К., Липай Т.П. Стигматизация как социальный феномен (методология исследования) // Актуальные инновационные исследования: наука и практика: Электронный научный журнал. 2011. № 1. URL: <http://www.actualresearch.ru> (*Mamedov A.K., Lipai T.P.* Stigmatizacija kak social'nyj fenomen (metodologija issledovanija) // Aktual'nye innovacionnye issledovanija: nauka i praktika: Yelektronnyi nauchnyi zhurnal. 2011. N 1. URL: <http://www.actualresearch.ru>).

Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. М., 2002 (*Markuze G.* Yeross i civilizacija. Odnomernyj chelovek. M., 2002).

Михнева С.Г. Интеллектуализация экономики: инновационное производство и человеческий капитал // Инновации. 2003. № 1 (*Mihneva S.G.* Intellektualizacija yekonomiki: innovacionnoe proizvodstvo i chelovecheskij kapital // Innovacii. 2003. N 1).

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет. М., 1996 (*Fuko M.* Volja k istine: po tu storonu znanija, vlasti i seksual'nosti: Raboty raznyh let. M., 1996).

Dahrendorf R. The modern social conflict. An essay on the principles of liberty. Berkeley; L., 1988.

Drucker P.F. The new realities: in government and politics, in economics and business // Society and World View. Boston; Oxford, 1989.

Drucker P.F. Post-capitalist society. N.Y., 1995.

Drucker P.F. Landmarks of tomorrow. N.Y., 1996.

Galbraith K. The new industrial state. L., 1991.

Goldman M. Lost opportunity. What has made economic reform in Russia so difficult. N.Y.; L., 1996.

Krugman P. The age of diminishing expectations. US economic policy in the 90s. Cambridge, 1998.

Martin W.J. The information society. L., 1988.

Renner K. The service class // Austro-Marxism / Ed. by T.B. Bottomore, P. Goode. Oxford, 1978.

Toffler A., Toffler H. Creating a new civilization. Atlanta, 1995.

Touraine A. The post-industrial society. Tomorrow's social history: classes, conflicts and culture in the programmed society. N.Y., 1974.